

Дмитрий КЛЁСТОВ

ЗДРАВСТВУЙ, ЖИЗНЬ, И ДО СВИДАНИЯ, ЖИЗНЬ!

БАЛЛАДА ПРО СТАРУЮ ШАХТУ

Мы в старую шахту пробились забоем,
Бабахнули взрывом над вечным покоем.

Разбойное эхо ответило глухо
Величием гордого русского духа.

Где золото рыли мятежные предки,
Мы ставим стопами узорные метки.

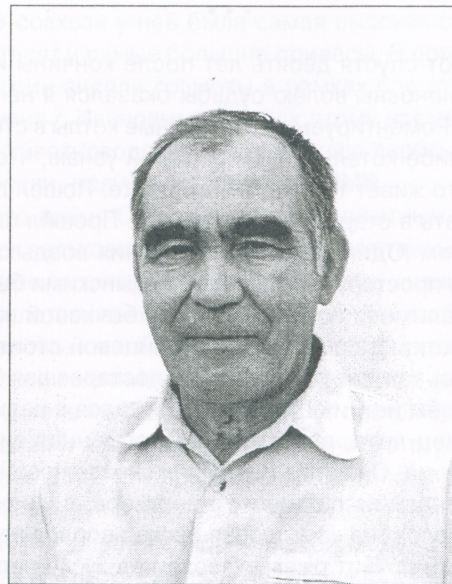
Своими руками ощущали крепи,
Своими сердцами почуяли трепет,

По тесному штреку прошлись раскорячкой,
Померялись силой с демидовской тачкой.

На тачке нескромная чья-то гравюра,
Написано вязью: «Работай, ты – дура!»

Балда деревянная, цепи, колодки...
А всё остальное, как в нашей проходке.

Опахнёт груздёмвым сентябрём,
Нивой жжёной в воздухе запахнет...
Мне случалось быть поводырём
Лошади, состарившейся в шахте.
Умные огромные глаза –
Понимаешь сердцем – неживые.
Торба полотняная овса
На согбенной, в ржавых струпьях, вые.

58

Трапезу последнего пайка
Смаковать была лошадка вправе.
А затем купать свои бока
В чистой малахитовой отаве.
Что-то я фальшивое свистал,
Уводя к могильному околку,
Чтоб никто ни палки, ни хлыста
Не поднял на старую шахтёрку.

СТАРУХА

Входила в дом соседская старуха.
Ещё с порога истоиво и глухо
Старуха костерила мать и нас,
И Гитлера, и весь иконостас.

У-у, Ироды, суразы, истуканы!
Мы разбегались, словно тараканы,
Ошпаренные лёгким кипятком,
Задержишься – огреет батоном.

И мать ей не перечила ни разу,
Что не бродяги мы и не суразы,
Сама не потаскуха, а жена.
Всему виной – проклятая война.

Нахохлившись, как чёрная грачиха,
Старуха в сени выходила тихо.
И мама суетливо по пути,
Крестясь, шептала: «Господи, прости,

КЛЁСТОВ Дмитрий Петрович родился в 1942 году в деревне Евтино Беловского района Кемеровской области. Служил в Советской армии командиром танка в Германии. Работал на шахтах и рудниках и в геолого-поисковой партии. Печатается в газетах и журнале «Огни Кузбасса». Издал два сборника стихов: «Земная ноша» и «Оглянись с большака». Живёт в городе Гурьевске.

Суди её, сердешную, господь». И находила на сенном окошке То туюсок старухиной картошки, То хлеба запашистого ломоть.

ТОРГОВКА

Местечко с боем завоёвано У старых рыночных ворот. Она торгует наворованным И всем, что боженька пошлёт.

Глаза большущие навывате И матом сдобренный язык. Пожалуй, сразу не привыкнете, Её истощный слыша крик.

Пожалуй, вам, друзья, до лампочки Её базарное тряпье, Я подошёл, окликнул лапочкой, Назвал красавицей её.

Она зарделась, как девчоночка, Язык паршивый прикусив. И стала нежной прядью челочка, А профиль – чёртовски красив.

Она глаза и руки прятала От комплимента моего. Товарки говорили: Спятила! Давай раскручивай его!

ОБОРВАНЕЦ

По бульвару идёт оборванец, На лице гуталиновый глянец, Петушится надменная чёлка. Завязала узлы барахолка.

Кошелёк уворует гадёныш, Не поймает его, не догонишь, В лабиринтах его заплутаешь: Барахолка – надёжный товарищ.

Я сказал ему: «Хочешь, отпарю, Напою, накормлю, накрахмалю...» Сплюнул он: «Перестань, балаболка, Мне родимая мать – барахолка!»

ВОЛЧАТА

Я их нашёл, зверей кудлатых, В сторожку бережно принёс. Скулил, как будто виноватый, Мой преданный дворовый пёс.

Бродила около волчица, Круги злопамятно верша, Ворчала на мою светлицу Её звериная душа.

Соседка вскидывала посох, Меня, безумного, кляня, Волчата в лес смотрели косо И ненавидели меня.

ЗАДВОРКИ

Родные задворки, чужие заборы, Глухие решётки, тугие запоры. Живёт за решёткой чета голубей – Российское чудо заморских кровей.

Они виражей не писали ни разу: Хозяин боится пропажи и сглазу, Он сам криминальный до мозга костей И держит впотьмах чужестранных гостей.

Он крепок ещё, как осенний обабок, Он столько потратил зелёных бабок, А коршун какой-нибудь стащит голубку, Польстится дурак на заморскую юбку.

ЛЮДМИЛЕ

Безмятежно-улыбчивый профиль, Серебром осиянная прядь... Захотелось мне радужный кофе В церемонном поклоне подать.

Как блаженному, крепкой ладонью Вдоль простынки пройти не спеша... Ты вольна потянуться спросонья, В пробуждении сладком свежа.

Волен я отдалённое чувство И приблизить, и выставить прочь... Захотелось мне просто искусства В предвесеннюю лунную ночь.

* * *

Слепнет одинокая звезда И зовёт дорога в никуда. Осенит смородиновый куст, Что я гол и безнадёжно пуст. Вот и всё, приехали, кажись: Здравствуй, жизнь, и до свиданья, жизнь!